

выше, напоминают фрагменты летописи). Идеи историзма, свойственные автобиографическому повествованию, в какой-то мере выражены и в формулировке Елифания, предпосланной Житию Аввакума: «Да не забвению предано будет дело божие» (стр. 1).⁹

Автобиографические записки Аввакума очень разнообразны по типам повествования. Одна часть их тяготеет к строго документальному изложению, отмеченному выше. В числе записок этого типа должна быть особо рассмотрена записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г. Специфическая тема записки развивается как подробное описание, как скрупулезный анализ состояния и поведения героя-автора: «В четверток же пятая неделя поста начал трубу закрывать и упал на землю. Полежав, очюхнулся, встать не могу, а правило говорить время. Помыслив, воздохня, отмерил три ложки кваса и пять ложек воды, соединя вместо, выхлебал...» (стр. 721—722). Мельчайшие детали быта описываются с пристальным вниманием; в сознании человека, мир которого замкнут тесными границами земляной тюрьмы, они вырастают в события почти исторического значения.

Другая часть записок Аввакума — записка о «первой» казни и записка о последних увещаниях Аввакума в Чудовом монастыре (1667 г.) — свободна от суровой фактографичности документа и напоминает динамичные рассказы Жития. Причиной изменения типа автобиографического повествования является не эволюция стиля, как можно было бы подумать, а использование самой стихии устной речи героев в качестве сюжетного материала («Старец мне говорил: острота, острота телесного ума, да лихо упрямство! А се не умеет науки!» — стр. 704; «И ему стыдно стало, и противу тово всквозь зубов молвил: нам, де, с тобою не сообщно» — стр. 706; ср. стр. 707).

Записка Аввакума об Афанасии Пашкове, приложенная им к первой челобитной Алексею Михайловичу, казалось бы, несколько выпадает из ряда автобиографических фрагментов: содержанием ее является лишь перечень актов жестокости и произвола сибирского воеводы. Однако именно эта записка помогает лучше понять основные идеи и замысел автобиографической первой челобитной. Челобитная 1664 г. написана человеком, четко осознавшим свое место в развернувшейся церковной борьбе («А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет... мерзок он пред богом, Никон» — стр. 728). Своеобразие этой челобитной, требующей от царя «отложить... Никоновы затейки дурные» (стр. 729), заключается в том, что Аввакум включил в несомненно публицистический текст автобиографический материал — перечень своих «бед» и «напастей». Возможно, что непосредственным поводом к написанию автобиографических фрагментов в этой челобитной послужило чисто практическое требование рассказа о самом себе — челобитная Аввакума кончается просьбой о лич-

⁹ Известно, что начальный период возникновения старообрядчества выдвинул и своих «историографов». Так, деятель раннего старообрядчества игумен Феоктист собирал оригиналы и копии многочисленных старообрядческих сочинений; им была составлена «Записка о жизни протопопы Ивана Неронова с 1653 по 1659 год» — описание ссылки и бегства Ивана Неронова, созданное на основании автобиографических рассказов последнего (см.: *Материалы для истории раскола...*, т. I. М., 1874, стр. 134—166). Впоследствии, по-видимому, эту роль «историографа» стал выполнять инок Авраамий, собирая и систематизируя документы и сочинения первых лет старообрядчества в «Христианоопасном щите веры» (см.: *Материалы для истории раскола...*, т. VII. М., 1855, стр. 1—258). Специальные «исторические» описания казней старообрядцев и других событий, связанных с их деятельностью, принадлежат дякопу Федору, одному из пустозерских узников (см. его «Сказание об Аввакуме, Лазаре, Елифании», «Послание из Пустозерска сыну Максиму» и др.).